

Сочинение Козьмы Индикоплова (Cosmas Indicopleustes), александрийского купца, совершившего в VI веке несколько путешествий на Восток (дошел до Цейлона), а впоследствии принявшего монашество, сохранилось всего в трех греческих списках IX–XI вв., но оно имело как бы "вторую" жизнь – на Руси: будучи переведенным, как полагают исследователи, в конце XII – начале XIII вв., оно многократно переписывалось в более поздний период, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней списки, в основном XVI–XVII вв. (известно свыше 50). Такая популярность его объясняется, очевидно, как содержанием (наряду с полемикой с учением Птолемея о шаровидности Земли и отстаиванием истинности Священного писания, имеются некоторые естественно-научные сведения, в частности описание растений и животных Цейлона и Индии), так и "художественным оформлением" – греческие миниатюры воспроизведены во многих русских списках. В XVI в. текст этого сочинения был включен в Великие Четьи Минеи митрополита Макария, а в 1886 г. был издан фототипическим способом ОЛДП под названием "Книга глаголемая Козьмы Индикоплова".

И вот сейчас произведение этого автора получает путевку в следующее тысячелетие: можно сказать, используя слова С. Есенина: "Новый пришел Индикоплов" ("Июния"). Сотрудниками Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН В.С. Голышенко и В.Ф. Дубровиной подготовлено и осуществлено издание одного из его списков. Теперь оно становится доступным специалистам-исследователям: литературоведам, искусствоведам, философам, теологам. Самое же главное: это издание представляет исключительно большую ценность для лингвистов, историков языка, испытывающих острый дефицит доступных для исследования материалов, в том числе и на русском книжном (церковнославянском) языке, который на Руси имел самостоятельное развитие, хорошо прослеживаемое по соответствующим текстам XI–XVII вв. Издание задумывалось и исполнено как лингвистическое, в соответствии с теми принципами, которые выработаны для изданий такого типа: максимально полное и точное воспроизведение не только текста рукописи, но и всех ее особенностей – графико-орфографических, палеографических и других параметров.

В.С. Голышенко и В.Ф. Дубровина остановили свой выбор на самом раннем списке, имеющем собственноручную запись дьяка Лариона о месте и времени создания рукописи – Ярославль, 1495 г. Так как все сохранившиеся списки восходят к одному переводу (существенных текстологических различий исследователями не отмечено), то выбор для издания именно этого списка вполне закономерен.

Такого типа издание предполагает как можно более точное и полное воспроизведение рукописного материала, но в издании, выполненном печатным набором, невозможно передать все особенности текста (например, рисунок и размер букв, межстрочные знаки, их графические варианты и др.). Понятно, что составителям пришлось проделать большую предварительную работу по выработке принципов передачи особенностей именно данной рукописи.

Об этих и многих других вопросах речь идет во Введении, где кратко изложена история текста произведения Козьмы Индикоплова, история издаваемой рукописи, а также представлено ее палеографическое описание, информирующее о внешнем виде рукописи, о переплете, об особенностях графики и орфографии списка.

Анализ буквенного состава рукописи, начертания букв, соотнесение их с характерными чертами полуустава XV в., выявление графических вариантов букв и их употребления, указание на индивидуальные особенности почерка писца, которые могут затруднить правильное понимание текста (например, особенности начертания буквы *о* в два приема делают ее похожей на *а*, *а* ю на *а* и др.), подробное описание употребления небуквенных знаков, воспроизведенных при издании (титло, покрытие, паерок), и тех, которые опущены (но точное их изображение дано в тексте Введения путем сканирования), – все это свидетельствует о высоком научном уровне издания, с одной стороны, а с другой – адекватно ориентирует читателя в том, что воспроизведено и что не воспроизведено в книге и что именно он может обнаружить в самой рукописи, если его интересуют те черты, которые не переданы при ее публикации.

Меньшее, чем хотелось бы, внимание уделено орфографическим особенностям рукописи. Составители ограничились весьма кратким перечислением восточнославя-

нских и южнославянских языковых и орфографических признаков, причем в одном ряду среди последних названы как написания, отмечаемые уже в древнерусских памятниках письменности с XI в. (юга, злато и др.), так и приметы второго южнославянского влияния (замена ъ на конце слова буквой ѣ, возврат к написаниям типа *дрѣжити*).

Текст "Христианской топографии", воспроизведенный с разбивкой на слова, буква в букву, строка в строку, занимает центральное место в рецензируемой книге (с. 49–302). К нему даны постраничные Комментарии (с. 303–369), содержащие важные и полезные сведения, касающиеся особенностей внешнего вида листа, исправлений текста или отдельных букв в слове, отмечаются все случаи затрудненного прочтения текста, воспроизводятся надписи, имеющиеся на полях рукописи и т.д. В случае необходимости дается текстологический комментарий, помогающий понять и восстановить смысловую структуру древнерусского текста, для чего привлекается греческий текст, а также соответствующие места из других русских списков этого произведения.

Особое значение имеет Указатель слов и форм (с. 369–774). В него включены все словоупотребления с сохранением графико-орфографического облика, даются грамматические пометы к каждой форме и указание ее места в тексте, особыми знаками выделены реконструкции, описки и дефектные написания. Все это повышает научную ценность данного издания, так как значительно облегчается дальнейшее использование текста "Христианской топографии" исследователями, занимающимися самым широким кругом проблем истории русского языка.

В таком сложном тексте, каким является "Христианская топография", естественно, имеется определенное количество форм, которые не поддаются однозначному толкованию. Это обусловлено разными причинами: особенностями перевода, изменениями, возникшими в результате многократного переписывания текста, описками писцов и др. Среди них отметим такие, у которых морфологическая (формальная) характеристика не совпадает с синтаксической. К ним составители привлекают внимание читателя дважды: в Указателе восклицательным знаком и в самом тексте цифрой, отсылающей к комментариям. Например, в Указателе форма *прочебрати*!

(107. 8)¹ дана с восклицательным знаком и с пометами "наст. ед. 3 л." (с. 638), а в Комментариях отмечено, что в греческом тексте здесь употреблена форма будущего времени, в русском же списке из собр. Оболенского – форма 3 л. ед. ч. наст. вр. (с. 355). Таким образом становится ясным, почему форма инфинитива составителями дана с пометой "наст.": в данном месте не должно быть формы инфинитива, она употреблена писцом ошибочно. Аналогично, вопреки формальным показателям, трактуются и другие формы: форма 2 л. мн. ч. наст. вр. или пов. накл. *дивитеса!* (67. 27) дана с восклицательным знаком и пометой "инф." (с. 457); форма 3 л. мн. ч. аориста *постѣпаша!* (102. 6) трактуется как "имп. ед. 3 л." (с. 608). То есть приоритет при толковании формы отдается смыслу: называется форма, которая должна была бы быть в данном месте и которая восстанавливается составителями по другим спискам. Но этот принцип не всегда соблюден: так, например, форма *брата* (34 об. 12) дана с пометой "род.!" (с. 398), т.е. форма охарактеризована по формальному признаку, хотя контекст и приведенный в Комментариях греческий текст свидетельствуют о том, что здесь должна была бы быть форма мест. п. (с. 319). Также не всегда выдержан общий принцип при характеристике согласуемых с существительным слов. Например, форма *затвореномъ* (76. 25) в соответствии с окончанием в Указателе определяется как причастие мужского рода (с. 484), хотя она употреблена в словосочетании с существительным женского рода (*дверемъ затвореномъ*), а форма *весели* (60 об. 35), определяющая сущ. очн, характеризуется как "прил. ср. дв. им." (с. 410), вопреки формальному признаку: *весели* – это им. п. мн. ч. муж. р. Последний случай в Указателе не отмечен специальным знаком. Такие примеры единичны. Остается необъяснимым, почему форма *испнраа* (60 об. 34) характеризуется как "наст. ед. 3 л." (с. 517), а не как причастие действительного залога. В данном случае и контекст, и форма предполагает именно последнее толкование.

Вызывает сомнение правомерность включения в одну словарную статью форм относительного местоимения *иже*, *еже*, *ѡже* и указательно-личного *и*, *е*, *ѡ*, как это сделано составителями.

¹ Здесь и далее в скобках после воспроизведенной формы указывается ее место в рукописи – номер листа и после точки номер строки.

Орфографические варианты слова, как правило, даются в разных словарных статьях (это специально оговорено для древнерусских и старославянских вариантов типа *ѡгъ—югъ* и др.). Что же касается подаи вариантов неславянских слов, то здесь единообразия в подаче материала нет. Например, формы *асиа, аѣа аѣю, ѡѣю* и др. даны в одной словарной статье (с. 383), а форма *асиѡѡ* (8 об. 12) выделена в отдельную (с. 384) без отсылки к названной выше (впрочем, в Комментариях (с. 308) они соотносены друг с другом); форма *киѡѡѡ* (с. 535) выделена в отдельную статью, но уже с отсылкой к статье *кѡѡѡѡ* (с. 535); а формы *кѡѡѡѡ* и *кѡѡѡѡѡ* даны в одной статье (с. 535).

К этим весьма немногочисленным замечаниям следует добавить, что, к сожалению, издание не лишено "технических" накладок. Вот некоторые из них. В Указателе форма **дверемь** (76. 25) почему-то не включена в статью **дверь**, а выделена в отдельную (с. 455); формы слова **локоть** оказались в двух разных статьях (с. 539); в тексте напечатана

Л.А. Илюшина

F.R. Adrados, A. Bernabé, J. Mendoza. *Manual de la lingüística indoeuropea.* Madrid: Ediciones clásicas. 1995. I – 448 p.; II – 403 p.

Рецензируемая монография испанских индоевропейцев является прежде всего итогом работы одного из крупнейших лингвистов нашего времени — Ф. Родригеса Адрадоса. В его многочисленных трудах были рассмотрены вопросы как фонетики (например [Adrados 1961]), так и морфологии, глагольной и именной [Adrados 1963; 1988], предложена концепция трех периодов праиндоевропейского языка. Весь этот понятийный аппарат использован как самим Адрадосом (во втором томе), так и его учеником А. Бернабе (автором первого тома, содержащего "Введение" и "Фонетику")¹.

Раздел "Введение" содержит определение понятия "индоевропейские языки" и "индоевропейский", краткую историю индоевропейского языкознания, сведения об основных методах реконструкции, обзор языков и групп, входящих в индоевропейскую семью языков. А. Бернабе с полным основанием отмечает условность термина "индоевропейский" и синонимичного ему принятого в

¹ Третий том "Синтаксис", написанный Х. Мендосой, пока не вышел из печати.